

## На берегах Нары

### ДОБРОВОЛЬЦЫ

В июне сорок первого наш 9-й класс успешно закончил учебный год, за что получил билеты в знаменитый «Театр Эрмитаж» в Москве — на оперетту. Школа наша находилась в селе Троицкое Лопасненского (с 1954 года — Чеховского) района Подмосковья, в 10 километрах от железнодорожной станции «Столбовая» Курского направления.

Возвращались мы со станции пешком, с шутками и смехом. Посещение театра и погода благоприятствовали хорошему настроению. Дома были в 2 часа ночи 22 июня.

Утром, в 11 часов, мы встретились на стадионе, как договорились при расставании. Стадион был нашим излюбленным местом проведения свободного от занятий и домашней работы времени.

Обсудив случившееся, мы, ребята, приняли решение идти добровольцами на фронт. К этому времени мы все имели значки: «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Ворошиловский стрелок», «Готов к ПВХО (противовоздушной и химической обороне) и «Готов к санитарной обороне» (ГСО). Сочли, что с такой подготовкой мы можем выступить на защиту своей Родины.

Со своим решением пришли в кабинет директора школы — к Александре Григорьевне Егоровой. Она внимательно выслушала нас, спросила: «Вы серьезно обдумали, обсудили?». Ответ был дан хором: «Да!». Она тут же позвонила секретарю парткома больницы Александру Васильевичу Сычу, который не заставил себя долго ждать: при встрече выслушал и одобрил решение. Заявление наше было кратким: «Родина в опасности. Прошу зачислить меня в действующую армию на фронт добровольцем».

7 июля в 5 часов утра Ю. Аксёнов, А. Зельдович и В. Кулаков получили повестки с указанием времени (8.00) и места сбора с вещами в селе Троицкое. Там, на месте, стояли четыре автомашины ЗИС-5, подготовленные для перевозки двадцати человек на каждой. Предстояло преодолеть 18 километров до районного центра — города Лопасня, до здания Венюковской школы № 5. Здесь все добровольцы были распределены по ротам, взводам и отделениям.

Так был сформирован Лопасненский истребительный батальон численностью 700 штыков. В его ряды добровольно вступили рабочие, колхозники, служащие. Рядом с ветеранами Гражданской войны в строй становились семнадцатилетние ребята. Володе Федотычеву и того было меньше — шестнадцать годков. «Комсомольская правда» в номере от 8 февраля 1942 году посвятит ему очерк под названием «Орлёнок».

Первым командиром батальона был майор А. И. Адамчик, комиссаром — **Никита Филиппович Зайцев**. Об этом уникальном человеке я хочу рассказать особо. В жаркие дни лета сорок первого он, на тот момент председатель завкома завода пластмасс имени Баранова, пошел на фронт ополченцем. Прошел всю войну. Почетный гражданин Наро-Фоминского района Подмосковья и чехословацкого городка Угерски-Брод. Долгие годы нас связывали теплые товарищеские отношения, а в 1987 году Никиты Филипповича не стало.

Командиром нашей 6 й роты стал старший лейтенант Малофеев (в годы Гражданской войны под его началом находился полк), политруком — Павел Кутилин. Были назначены командиры отделений, одним из которых во 2 м взводе стал автор этих строк.

## ОТ СМОЛЕНСКА ДО СЕЛИГЕРА

7 июля батальон по железной дороге передислоцировался в Москву. В столице мы влились в ряды 1287-го стрелкового полка 4-й Московской дивизии народного ополчения Куйбышевского района. В состав дивизии входили три стрелковых полка, отдельный артиллерийский дивизион, самокатно-разведывательная рота, саперная рота, рота связи.

Приказом НКО от 2 июля 1941 года начальником штаба дивизии был назначен полковник А. Д. Борисов, командирами стрелковых полков — **полковник С. Т. Гладышев**, подполковник И. А. Галаган и майор С. П. Дедов.

Из Москвы мы выехали в ночь 11 июля, после завтрака, на четырехстах грузовиках. Наша дивизия вошла в состав армии резерва Западного фронта. В течение двух месяцев мы находились на строительстве оборонительных рубежей в Смоленской области, занимая линию Сычевка — Андреевское — Ново Дугино: рыли противотанковые рвы, экскарты и окопы, оборудовали пулеметные площадки и котлованы для ДЗОТов.

В конце июля расположение батальона в Смоленской области посетила делегация Лопасненского РК ВКП (б) во главе с первым секретарем К. Д. Сорокиной, которая познакомилась с режимом труда, бытом и тем, как мы были экипированы. В Москве нам выдали гимнастерки и бывшие в употреблении брюки, заштопанные в заплатку. Сорокина высказала претензии военному руководству за то, что ополченцев используют как рабочую силу, а не готовят к отражению наступающего противника.

Получив в конце июля винтовки и пулеметы, дивизия, наряду с сооружением оборонительных рубежей, приступила к боевой подготовке. Военное дело мы осваивали под руководством среднего командного состава из числа молодых командиров — выпускников военных школ.

Однажды я был дежурным по роте. Вечером мне было приказано сопровождать Н. Ф. Зайцева до места, где проводилась учеба. В темноте мы потеряли ориентировку. Чтобы понять, в какую сторону все-таки нам нужно идти, я лег и приложил ухо к земле — вдали услышал легкий топот. Никита Филиппович оценил проявленную мною смекалку, и этот эпизод, в сочетании с другими, уже в период боевых действий, послужил основой для наших добрых отношений.

6 августа 1941 года в Смоленских лесах, перед строем сводных частей, дивизии было вручено Красное знамя и грамота Московского городского комитета партии. Такие же знамена были вручены всем полкам от Куйбышевского райкома партии. В тот же день нас привели к военной присяге.

До конца августа в дивизию прибыло пополнение — около 5 тысяч бойцов и командиров. С 5 по 10 сентября 1941 года нас передислоцировали на Северо-Западный фронт на рубежи севернее города Осташков Калининской области, в район Селигера. В течение месяца мы держали рубеж обороны на берегу озера Пено, не отдав противнику ни одного метра родной земли, отбивая попытки врага переправиться на восточный берег озера.

26 сентября 1941 года 4-я ДНО, преобразованная в **110-ю стрелковую дивизию**, была передислоцирована к Москве и вошла в состав 33-й армии Западного фронта. Нам предстояло преградить путь немцам, прорвавшим оборону наших войск в районе Вязьмы и наступавшим от Калуги на Боровск, имея целью выйти на строившееся шоссе: оно называлось Наро-Фоминским, а теперь все знают его как Киевское. К лету 1941 года шоссе как раз дошло до Нары, через реку возводился мост, и он почти был готов.

## **СЖАТАЯ ПРУЖИНА**

Первые эшелоны прибыли в Наро-Фоминск на рассвете 11 октября. По мере выгрузки отдельных частей дивизия вступила в бой с противником, отбивая его атаки. К этому времени, как уже было сказано, фашистские войска подходили к Можайску, Малоярославцу, Боровску. Вечером 12 октября дивизия получила боевой приказ командующего 33-й армией **генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова** закрыть врагу дорогу на Наро-Фоминск, не допустить выхода его к рубежу реки Нара — до подхода регулярных кадровых частей Советской Армии.

Угроза прорыва гитлеровцев к Наро-Фоминску нарастала со дня на день. Не дожидаясь сосредоточения всех сил и средств, 110-я дивизия немедленно двинулась к линии обороны. К утру 13 октября 1289-й и 1291-й стрелковые полки, а также 971-й артиллерийский полк заняли оборону на рубеже Митенино, Башкардово, Русиново. Вскоре прибыл и **1287-й полк**. Немецкая

авиация беспрепятственно вела разведку и наносила воздушные удары по нашим боевым позициям в районе деревень Мишуково и Блознево.

К исходу 13 октября наша 110-я дивизия вступила в бой с передовыми частями противника, отбив все их атаки. Были захвачены пленные солдаты 258-й фашистской пехотной дивизии.

...Подошел политрук нашей 6-й роты Павел Кутилин: «Я только что был в штабе полка, где допрашивали немецких самокатчиков. Командир полка сказал, обращаясь к пленному: «Вы счастливы, что попали в плен? Этим вы сохранили себе жизнь». — «Разве я счастливый, господин майор? — с нескрываемой досадой, скорчив сытую физиономию, отвечал тот. — Немецкие войска на днях займут Москву, русской армии капут, а я в плену».

Политрук немного помолчал, дав нам осмыслить услышанное, а затем спросил: «Ну как, дадим фашистам возможность промаршировать по Красной площади?» Как по команде прозвучало: «Никогда!». От этой нервной встряски исчезли холод и усталость. Наш взвод сосредоточился справа от артбатареи. Вскоре мы услышали прерывистый гул «юнкерсов».

Мы рассредоточились и залегли. Фашистские самолеты летали друг за другом по кругу и сбрасывали бомбы, которые, приближаясь, издавали душераздирающие звуки. При разрывах земля сотрясалась и подбрасывала нас вверх.

Как долго это продолжалось, никто точно сказать не мог, все это казалось кошмарной вечностью. С 12 июня, когда под Вязмой я впервые попал под бомбежку, такого авиационного налета не было ни разу. Отбомбившись, фрицы улетели. Мы подвели итог потерям, раненых отправили для оказания медицинской помощи, погибших собрали для захоронения. Едва командиры успели произвести учет оставшихся в строю, как начался артиллерийско-минометный обстрел. Как только огонь был перенесен в глубь нашей обороны, мы увидели наступающего тремя группами противника. Гитлеровцы шли в полный рост.

С нашей стороны «боги войны» били прямой наводкой, 50 миллиметровый миномет тоже вел прицельный огонь. Наступающие расширили фронт — значит, должна последовать атака! В это время прозвучала команда «Огонь!», и тут включились все огневые средства. Цепи противника заметно редели... В какой то момент фашисты поняли всю нелепость психической атаки и поспешно, но организованно, отступили.

Этот сырой и холодный октябрьский день превратился в жаркий. Нам пришлось выдержать еще три атаки, последняя переросла в рукопашную, в которую включились и артиллерийские расчеты. Успех был на нашей стороне. Он вселил в нас — вчерашних школьников и зрелых мужчин — уверенность, что немца, оказывается, можно бить и победить.

## РАЗВЕДКА БОЕМ

Несмотря на превосходство противника в живой силе и технике, мы сдерживали наступление фашистов к Москве и упорно атаковали каждый рубеж, отражая атаки врага, нанося ему тяжелые потери в живой силе и технике.

«Первые жертвы, понесенные батальоном, особо памятливы, — писал в 1982 году Н. Ф. Зайцев. — Помню смерть мальчишек Лазарева, Артасова, Гудкова, Белкина, Дронова... Тяжелой потерей первых боев была для нас гибель командира роты старшего лейтенанта Малофеева. Он тоже из Троицкого. Вместе с ним погибли Корягин, Сверчков и другие лопасненцы».

Сложил голову под Наро-Фоминском и наш первый комбат — майор А. И. Адамчик. В течение нескольких часов, будучи тяжело раненым, он не покидал поле боя, продолжая командовать подразделением. За несколько дней до этого пал смертью храбрых политрук 6 й роты Павел Кутилин, ушедший на фронт с должности заведующего отделом райкома партии.

Хочу рассказать об одной разведке боем, которую нам пришлось проводить в те грозные дни. Для этого командование решило послать минометный расчет. Батальонный комиссар Н. Ф. Зайцев обратился ко мне не по военному, спросил, как настроение и как я отношусь к решению командира роты. «Приказ старшего начальника обсуждению не подлежит», — ответил я. Но внутренне засомневался: смогу ли оправдать доверие, не подвести... Комиссар, видимо, заметил, мою некоторую растерянность, подошел ближе, положил руку на плечо: «Все будет хорошо».

Собрать расчет, проверить миномет и личное оружие, подготовить документы к сдаче со всеми личными вещами — все это заняло не более получаса: красноармейские книжки, комсомольские билеты были сданы политруку роты, лишние вещи — старшине. К этому времени подошел Лёня Кузьмин, с которым мы учились вместе до 8-го класса. Теперь он был первым номером ручного пулемета. Лёне было приказано расположиться над оврагом, а минометному расчету — на дне этого же оврага, возле деревни Ильино.

После короткого инструктажа Никита Филиппович напутствовал нас такими словами: «Ребята, от результатов вашей разведки будет зависеть исход боя нашего батальона. Желаю вам успеха и... вернитесь живыми».

До рассвета оставалось около трех часов, поэтому нужно было торопиться. На «их» стороне в эту ночь было тихо: не слышно ни музыки, ни «агитационных» выступлений.

Заработал наш миномет...

Немцы откликнулись раньше, чем мы ожидали. Вначале поднялась стрельба из пулеметов (видимо, гитлеровцы приняли наши мины за гранаты). Затем включились вражеские минометы. Мы не успели еще израсходовать боезапас, как поняли, что нас хотят взять в «вилку». Четвертая мина попала точно в расположение нашего 50-мм миномета. Двое подносчиков мин и наводчик погибли, я же, как корректировщик, находящийся в верхней части оврага, получил осколочное ранение обеих ног.

Спасибо Лёне Кузьмину, который со своим вторым номером укрыл погибших и оставил метку. Дорогой он все меня успокаивал: «Подлечишься и станешь как новенький».

А вечером 18 октября по противнику был дан залп гвардейскими минометами «Катюша». Услышанный нашими воинами, он не мог не ободрить их в той тяжелой обстановке, которую они переживали в то время. Этот день мне запомнился особенно отчетливо, ибо он стал переломным в моей фронтовой биографии.

### **«ЗАВОД ЗАЙЦЕВА»**

В один из дней в районе из Горчухино поступило сообщение, что немцы ворвались в деревню. Связь тут же оборвалась. Прихватив с собой двадцать бойцов, Зайцев бросился выправлять ситуацию. Прорываясь, мои товарищи потеряли двух солдат. Обстановка к тому времени была такова: за исключением шести крайних домов, деревня находилась в руках немцев. Но не было силы, которая могла бы остановить порыв ополченцев. Под вечер последний фашист был выбит из деревни и отброшен за реку.

Немногие из ополченцев остались в строю после тех кровавых боев осенью сорок первого. Лопасненский батальон потерял тогда 243 воина убитыми и пропавшими без вести. Оставшимся предстояло выдержать еще одно суровое испытание: в первых числах декабря враг предпринял последнюю попытку прорваться к Москве именно в полосе обороны 110-й стрелковой дивизии.

Битва за Москву вступила тогда в решающую фазу. Недаром маршал Г. К. Жуков называл промежуток времени между 16 ноября и 8 декабря периодами наивысшего кризиса. Особенно опасное положение возникло на центральном участке фронта, где рано утром 1 декабря враг нанес мощный танковый удар по Наро-Фоминску и за одни сутки продвинулся вплоть до Апрелевки.

На левом фланге 33-й армии, в районе деревень Атепцево, Каменское, Слизнаво, Горчухино и Рыжково сражение приняло особенно ожесточенный характер. 2-й батальон нашего 1287-го стрелкового полка под командованием капитана Белоуса в боях в районе деревни Горчухино

трижды отражал атаки превосходящих сил противника. Во время четвертой атаки он был окружен.

В ночь с 2 на 3 декабря батальону удалось прорвать вражеское кольцо и соединиться со своими. Ценой неслыханных жертв наша дивизия дала возможность сосредоточить войска для удара по немцам. «У старинного русского города Боровска прославили свои боевые знамена солдаты и командиры 110-й стрелковой дивизии», — так оценил боевые действия в этом районе Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах.

Поредевшие дивизии защитников Москвы дрались с яростью людей, которым дальше некуда отступать. И они не отступали! Если немцы захватывали деревню или новый кусок земли — это означало в те дни только одно: ни одного живого защитника на этом участке уже не осталось.

В четырех километрах южнее Наро-Фоминска, в районе кирпичного завода, фашисты сосредоточили большие резервы, пытаясь захватить завод как важный опорный пункт в обороне 110-й дивизии на ее правом фланге и выйти в тыл советских войск в районе Наро-Фоминска и окружить их. Завязался тяжелый, неравный бой. В этом бою прославились мои товарищи из 1-го батальона 1287-го полка. Здесь отстаивалась каждая пядь родной земли.

Вражеское кольцо сжималось. Один за другим бойцы выходили из строя. К концу дня у батальона остался лишь небольшой участок кирпичного завода. Наш комиссар Н. Ф. Зайцев вместе с 38 бойцами, заняв блиндажи, поклялся стоять насмерть. Тогда же он произнес слова, которые оказались сильнее смерти: «Мы отсюда не уйдем — нет для нас позади места на земле!».

Эти слова были сказаны Никитой Филипповичем спустя пятнадцать дней после того, как политрук Ключков обратился к горстке своих бойцов: «Отступать некуда — позади Москва!». Оказавшись в тылу, Н. Ф. Зайцев и его люди, конечно, не могли знать о подвиге у разъезда Дубосеково, однако общий настрой у них, равно как и тысяч других защитников Москвы, был один и тот же.

Когда противник подошел вплотную, Никита Филиппович поднял бойцов в рукопашную схватку. Враг был отброшен. Ночью гитлеровцы снова попытались овладеть кирпичным заводом. Но и эту атаку отразили бойцы. Ружейным огнем, гранатами и бутылками с горючей жидкостью герои уложили до 50 гитлеровцев. И держали оборону до подхода советских войск.

Жители района чтят память нашего батальонного комиссара Н. Ф. Зайцева, который после войны не раз приезжал сюда. В память о двухдневной смертельной схватке у бывшего кирпичного завода на этом месте поставлен памятный знак: «1-2 декабря 1941 года 38 бойцов 1287 сп 110 сд — 4

дивизии народного ополчения Куйбышевского района города Москвы во главе с комиссаром Зайцевым держали здесь стойкую оборону кирпичного завода».

Этот же героический эпизод упомянут в Книге Памяти: «38 бойцов 1-го батальона 1287-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии, заняв блиндажи в районе кирпичного завода, поклялись стоять насмерть. Комиссар Зайцев и его бойцы 1-2 декабря 1941 года держали стойкую оборону до подхода подкреплений. Подразделения соседней 1-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии отбросили немецкие войска на этом участке за реку Нару. Все 38 героев были награждены орденами и медалями».

В ходе боев 1 декабря 1941 года смертью храбрых погиб секретарь партбюро Яков Иванович Кузьмин, в недавнем прошлом работник Госплана СССР. За бои под Нарой он был представлен к орденам Красного Знамени и Ленина, однако получить их не успел. Узнав о гибели мужа, его место в дивизии заняла жена — Блюма Можарская. Со многими боевыми наградами она закончила войну в звании гвардии майора комендантом города Штеттина.

Погибли батальонный комиссар А. А. Агеев, секретарь Куйбышевского райкома комсомола Н. Макшасов и Володя Федотычев («Орлёнок»). Недолгой была жизнь санинструктора **Ани Зудиновой** — за период службы в нашей 110-й дивизии она спасла и вынесла из-под огня свыше ста раненых бойцов.

## **УЧЕНИКИ СТАРИНОВА**

В 1942 году «ас диверсии» Илья Григорьевич Старинов, находившийся на Калининском фронте, обратился к командиру 6-й железнодорожной бригады, в которую я был направлен после излечения, полковнику (на тот период) Терюхову Дмитрию Андреевичу с просьбой: выделить группу добровольцев для подготовки диверсантов в Оперативном учебном центре. Мне повезло, и я прошел обучение в ОУЦ, однако комбриг оставил меня в технической разведке начальником группы разминирования.

Знания, полученные в ОУЦ, не пропали даром. Через некоторое время наш комбриг порекомендовал своим офицерам взять на вооружение метод технической разведки искусственных сооружений, разработанный сержантом Аксеновым и опробованный им в деле.

Поясню, в чем его суть. Перед началом разминирования моста я тренировал саперов на специальном макете, чтобы по ходу операции избежать жертв. И эти тренировки оправдывали себя. Саперы из моего отделения с успехом обезвреживали фашистские мины, порой весьма хитроумной конструкции. Иногда бойцы решали не только поставленную задачу, но и ту, которая возникала внезапно, «по ходу действия».

Отступая, фашисты сжигали все, а что не горело — взрывали и минировали. Работы для нас, саперов, хватало. Даже на чрезвычайно разрушенных перегонах, мостах и станциях противник устанавливал «сюрпризы» с целью максимального затруднения восстановительных работ. Минировалось земляное полотно, включая полосу отвода, близлежащие сооружения, дороги, мосты и подходы к ним. Особенно это практиковалось на железных дорогах в районе переднего края обороны. Действовали мы предельно аккуратно — все подступы к насыпи были усеяны противопехотными минами в деревянном исполнении, обнаружить которые представлялось делом непростым.

Однажды на перегоне Лиозно-Витебск наша группа проводила минную разведку, чтобы расчистить подходы к трубе под железнодорожным полотном. Выполнение задачи осложнялось тем, что участок находился на виду у врага. Стоило на насыпи появиться саперам, как начинался минометный обстрел.

Сначала мы проделали проход, обезвредили противопехотные мины — и провели разведку. Особых повреждений не обнаружили. Мы предположили, что в трубе немцы оставили мину с часовым механизмом. Пробовали прослушать звуки работы часового механизма фугаса замедленного действия — полная тишина. К тому же нас постоянно обстреливали. Видно, гитлеровцы наблюдали за этим объектом.

Чутье минера и весь предыдущий опыт подсказывали, что мина должна находиться где-то рядом: не могли же фашисты оставить сооружение целым, без «сюрпризов»? Сверху, над трубой, копать невозможно — немцы начеку. Был вариант подорвать трубу и избавиться от немецких «хитростей», но тогда повредили бы полотно. Решили вскрывать ее сбоку, с северной стороны — там саперов было труднее заметить.

Три дня, впятером, используя ножи, щупы и собственные руки, мы копали землю. Наконец показался колодец в фундаменте трубы, обшитый тесом. В нем были заложены две противотанковые мины и три ящика с толом. Я осторожно обезвредил головной взрыватель, затем — боевой, а вот над третьим, донным, пришлось крепко подумать. Он оказался с ловушкой, рассчитанной на саперов. Однако и с ним мы справились. В итоге железнодорожное полотно на этом участке было сохранено.

Ну, а эта история произошла неподалеку от городка Велижа, что на Смоленщине. По пути к реке наше отделение проходило через небольшое село, в котором не осталось ни одного целого дома. Неожиданно, откуда то, как «из-под земли» появились люди преклонного возраста — местные жители, жившие в землянках. Они, увидев в руках солдат щупы, сразу догадались, что перед ними саперы и обратились за помощью.

Оказалось, что измученные войной и потерявшие кров люди хотят, прежде всего, восстановить местный храм. Оккупанты не пожалели мин для небольшой церкви. Под ее сводами мы обезвредили 50 противопехотных мин! Жители благодарили нас, и лица у них были просветленные, счастливые, может быть впервые за все время с начала войны.

...В самом конце 1945 года, накануне Дня Победы, мне было присвоено долгожданное офицерское звание и диплом Ленинградского военного училища имени М. В. Фрунзе («мостовое отделение»), куда я был направлен генералом Тереховым. После этого я восстанавливал разрушенные противником мосты, ездил по всей стране. А потом решил учиться дальше, но уже по гражданской специальности, посвятив себя медицине. Но это уже другая история.

**Юрий Аксёнов.** Статья из журнала «СПЕЦНАЗ РОССИИ» N 1 (148) январь 2009 г. Публикацию подготовил Павел ЕВДОКИМОВ